

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 5

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Ж.М. Абдильдин – Логика современного научно-теоретического познания 3

Философия и общество

Е.А. Фролова – Арабское “возрождение” как проект модернизации 11
Д.А. Новиков, Е.Ю. Русяева – Философия управления 19
В.В. Мартыненко – Кредитная природа социальных отношений 27
А.В. Никандров – Идеиные баталии первой половины 50-х годов XX века в Италии:
Норберто Боббио и коммунисты в дискуссии о политике и культуре 37
Н. Боббио – Свобода и власть. Публикация и перевод А.В. Никандрова 48

Философия и наука

С.А. Лебедев, С.Н. Коськов – Конвенционалистская философия науки 57
А.Р. Крицкая – Некоторые концептуальные основы самообразования обучаю-
щихся 70
Л.В. Баева – Электронная культура: опыт философского анализа 75
Е.Ю. Журавлева – К типологии методов интернет-исследования 84

Из истории отечественной философской мысли

И.Л. Ганзел – Представление, дух и образование мыслей: Фреге, Гегель, Леонтьев
и Ильенков 94

История философии

Е. Мутсопулос – Истина: успехи и поражения	107
И.В. Ощепков – “Дар богов” в диалоге Платона “Филеб”. К вопросу о природе генад (16с5–10).....	115
В.И. Коротких – Гегелевская концепция рефлексии как формы диалектико-спекулятивного метода	127
Д.А. Лунгина – Идея спасения в псевдонимных произведениях С. Керкегора. Очерк первый. Лестница Йоханнеса Климакуса.....	141
А.В. Михайловский – Три принципа “политической теологии” в круге Штефана Георге	149
Ф. Гундольф – Послушание и приверженство.....	161
Ф. Вольтерс – Господство и служение.....	164

Из редакционной почты

Л. Гобечия, Н. Мудрагей – О форме и содержании диалога “Пир” Платона (эссе)	168
В.В. Гусаченко – Смешанные формы общественной жизни (трансгрессии и регрессии в сфере “пограничья”)	173

Критика и библиография

Г.В. Лобастов – Ж.М. Абдильдин. Собрание сочинений в десяти томах	182
И.С. Семененко – Н.Н. Федотова. Изучение идентичности и контексты ее формирования.....	185
Н.А. Терещенко, Т.М. Шагунова – В.Е. Кемеров. Общество, социальность, поли-субъектность.....	187
Наши авторы.....	190

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), **А.Ф. Зотов** (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), **В.С. Степин** (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова, И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
**А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова** (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Три принципа “политической теологии” в круге Штефана Георге*

А. В. МИХАЙЛОВСКИЙ

В статье рассматривается один из наиболее ярких феноменов в интеллектуальной истории Германии начала XX в. – так называемый “круг Георге” (George-Kreis). Выделяются три принципа *sine qua non* “политической теологии” в круге Георге – принцип союза или ордена, принцип харизматического вождя и принцип господства и служения. Основная гипотеза исследования заключается в том, что круг Георге являлся не только и не столько поэтическим объединением эпигонов вокруг фигуры Мастера, сколько идеологически интегрированной интеллектуальной группой, претендовавшей на переформатирование политики эстетическими средствами и повлиявшей на язык и идеологию “консервативной революции” в Веймарской Германии.

This paper is concerned with one of the most prominent examples of the German intellectual history of the beginning of the 20th century, the George circle. The study identifies three principles which are crucial for the “political theology” in the George circle – the principle of covenant, the principle of charismatic leader and the principle of dominance and service. The main hypothesis evaluated in the study is that the George circle was the ideologically integrated group of intellectuals which sought to reformat politics by means of aesthetics and influenced the language and ideology of “conservative revolution” in Weimar Germany.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая теология, Штефан Георге, Фридрих Гундольф, Фридрих Вольтерс, господство и служение, эстетизация политического, консервативная революция.

KEY WORDS: political theology, Stefan George, Friedrich Gundolf, Friedrich Wolters, dominance and service, aestheticization of the political, conservative revolution.

1. Введение

В августе 1900 г. состоялось вскрытие захоронений германских кайзеров в соборе города Шпайера. Этот шаг был инициирован австрийским императором и принцем-регентом Луитпольдом Баварским; ответственность за проведение мероприятия была возложена на

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0174, реализованного в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012–2013 гг.

Министерство культуры Баварии. Событие вызвало большой общественный резонанс. Кошунственная процедура по обследованию останков салических императоров проводилась ученой комиссией и пользовалась высочайшим одобрением.

Но у одного человека, поэта Штефана Георге, это святотатство вызвало безграничное негодование. Свой праведный гнев он излил в стихотворении, соединившем в себе пронзительность элегии с едкостью памфлета. “Могилы в Шпайере” – так называлось одно из “Современных стихотворений” (Zeitgedichte), которыми открывался первый цикл “Седьмого кольца” (1907).

У нас трясутся руки прикасаясь
К осколкам свежим · к осквернённым трупам.
Слезами гнева мы должны омыть
Пространство и заковать своею кровью
Кровь древнюю – дабы она засохла ·
И чтобы камни мёртвые не грабил
Подкапываясь в храм Пришедший после
[...]¹

Перед глазами читателя одна за другой вставали величественные фигуры венценосцев – Конрада, Генриха III, Рудольфа и Фридриха Великого, как бы взывая к современникам и бросая в лицо святотатцам от науки: “[...] для вас / Сие стократ позорней чем Каносса .” Властным поэтическим жестом Георге показывал, что древние короны возложены на главы нынешних монархов по ошибке, ибо они демонстративно отказались хранить мистическую традицию Священной империи (Reich) и не смогли оказать сопротивление секуляризации современного мира. Но если монархи стали заодно с представителями научного позитивизма и объявили войну не только мертвым, но и всему тому, что связывалось с понятием Рейха, то кто-то ведь должен поднять погрязшие инсигнии и вернуть словам “Рейх” и “кайзер”, священным для каждого немца, их былое величие и эсхатологическое звучание? Эту обязанность, эту благородную миссию мог возложить на себя только поэт! Так родилась идея “тайной Германии”, сплотившая друзей и эпигонов вокруг величественной фигуры Мастера. “Союз” (Bund), “государство” (Staat), “господство” (Herrschaft) и, конечно, “Рейх”, самое главное понятие немецкой политической мысли, были концептуально оформлены и опозитивизированы внутри круга ближайших друзей Георге². Это происходило между 1909 и 1912 годами, когда Георге, собственно, и осуществил свой “духовно-политический” синтез. Он заключался в том, чтобы объединить Элладу и Кифхойзер, Платона и миф о германских кайзерах см.: [Раульф 2009, 118].

В 1910 г. произошло несколько событий, важных с точки зрения дальнейшей немецкой интеллектуальной истории: молодой германист Норберт фон Хеллинграт, погибший вскоре на фронте, опубликовал переводы Пиндара в георгеанском журнале “Листки искусства” (“Blätter für die Kunst”), вышел первый том “Ежегодника духовного движения” (“Jahrbuch für geistige Bewegung”); историк, поэт и переводчик Фридрих Вольтерс провозгласил лозунг “господство и служение”, а редактор “Листков искусства”, писатель и переводчик Карл Вольфскель, в чьем доме в богемном мюнхенском квартале Швабинг собирались георгеанцы, сформулировал знаменитую впоследствии идею “Тайной Германии”. Круг Георге постепенно начал превращаться из дружески-интимного собрания поэтов в реальную интеллектуальную силу с мощной харизматической идеологией.

Круг Георге (George-Kreis) – один из наиболее ярких феноменов в интеллектуальной истории Германии начала XX в., чрезвычайно влиятельное сообщество последователей и учеников, сформировавшееся на рубеже веков вокруг немецкого поэта-постсимволиста Штефана (или, в традиционной русской транскрипции, Стефана) Георге (1868–1933). В этом исследовании я исхожу из того, что *круг Георге являлся не только и не столько поэтическим объединением эпигонов вокруг фигуры Мастера, сколько идеологически интегрированной интеллектуальной группой, включавшей в себя как университетских*

преподавателей, так и внеакадемических “свободных писателей” и, начиная примерно с 1910 г., претендовавшей на переформатирование политики эстетическими средствами. О глубоком и всестороннем влиянии круга Георге (это, прежде всего администратор и идеолог круга Фридрих Вольтерс, Карл Вольфскель, Фридрих Гундольф и, конечно, сам Мастер) на формирование интеллектуальной среды эпохи Веймарской республики говорят, как минимум, два факта: 1) что концепты вроде “рейха” (Reich), “союза” (Bund), “тайной Германии” (“das geheime Deutschland”), “господства” и “служения” (Herrschaft und Dienst), разработанные внутри круга, прочно вошли в лексикон право-консервативной мысли или так называемой “консервативной революции”³; 2) что произошла “поэтизация” и “мессианизация” понятия политического, нашедшая, в частности, выражение в широко распространенных после Первой мировой войны чаяниях “грядущего рейха”, пришествия харизматического “вождя”, а также в новых способах социальной организации внепарламентской антилиберальной оппозиции Германии 1920–30-х гг.

Следующая гипотеза заключается в том, что в основе новой модели “поэтизации политического” лежит *определенный комплекс представлений (или даже тип мышления), обозначаемый мною как “политическая теология”*. В этом смысле понятия “рейха”, “государства”, “союза”, “господства” и т.д. представляются не квази-политическими понятиями, но элементами именно политической теологии, ставящей ключевой вопрос об истине как авторитете и требующей безоговорочного подчинения этому авторитету ради противостояния злу (=секуляризации) современного мира.

Наконец, я предполагаю, что неправы те, кто однозначно утверждает, будто интеллектуальная деятельность Георге и георгеанцев относится к антимодернистскому направлению. Как я пытался показать в своих исследованиях по политической философии “консервативной революции”⁴, большинство “антимодернистских” заявлений и идей в действительности носили амбивалентный характер и могли также рассматриваться как проекты будущего. Наиболее адекватным обозначением георгеанской “политической теологии”, равно как и наследующей ей “консервативной революции”, *взятой как целостный феномен*, я считаю определение “реакционного” или “консервативного” модернизма.

Круг Георге и его влияние на праворадикальную мысль Веймарской республики остается малоизученной темой – как в исследовательской литературе за рубежом, где фигуры Георге и некоторых его учеников были в течение долгого времени дискредитированы из-за их предполагаемых симпатий к национал-социалистической идеологии⁵, так и в России, где восприятие творчества Георге изначально несло на себе отпечаток символистского прочтения Вяч. Иванова и В. Брюсова; плодотворная рецепция была прервана советским периодом, а сейчас пока ограничивается изданием русских переводов его стихотворных книг и сборников⁶. Единственным исключением у нас является недавняя вышедшая монография М. Маяцкого, где исследовательский акцент делается на платоновском культе в круге Георге [Маяцкий 2012].

2. Политическая теология: авторитет и истина

Мой тезис заключается в том, что вопреки распространенному взгляду на Штефана Георге как на поэта-(пост)символиста – чистого поэта, присягнувшего на верность принципу *l'art pour l'art* – можно и нужно рассматривать как *политического автора*⁷. Правда, с той оговоркой, что он опозитизировал политическое, стремился превратить поэтико-политический проект всей своей жизни в концепцию, конкурировавшую как с левой, так и с правой идеологией, а потому чрезвычайно привлекательную для интимного круга учеников и последователей. В выражении “политический автор” политическое измерение поэзии раскрывается из специфического понимания концепции *автора, авторства и авторитета*. А именно: Георге выступает не просто как автор-производитель текстов, но как автор, претендующий на авторитет. Понятия политического и авторитета, завязанные в одно целое, неизбежно заставляют нас обратиться к сфере “политической теологии” (ПТ).

Современное значение этот термин приобрел благодаря работам германского правоведа Карла Шмитта “Римский католицизм и политическая форма” (1923) и “Политиче-

ская теология” (1922). Основным принцип ПТ, сформулированный еще Томасом Гоббсом, звучит так: *Auctoritas non veritas facit legem* (в русском переводе: “авторитет, а не истина, создает закон”)⁸. Авторитет представляет собой инстанцию, которая гарантирует истину репрезентации как таковой, подтверждает ее и о ней свидетельствует. Например, репрезентация некоей идеи, подтвержденная авторитетом, претендует на публичное, т.е. политическое признание и политическую действительность. В целом авторитет обеспечивает достоверность мысли. В этом смысле истина нуждается в авторитете.

Автор олицетворяет собой пример того, о чем он пишет. Пример нельзя подать исключительно в интеллектуальном плане, поскольку “голой мысли” принципиально нет доверия. Поэтому автор как бы свидетельствует о своем тексте своим образом жизни – самой своей экзистенцией. Отсюда авторитет реализуется как известная ответственность за то, что этот авторитет репрезентирует [см.: Травни 2010, 20]. Так, Фридрих Гундольф в книге “Штефан Георге и его время” пронизательно заметил об авторитете Мастера: “Важной частью его образа является то, что он пробуждает у других *веру*” [Гундольф 1918, 12–13].

Отсюда вытекает и эзотерический характер круга. Георге – несомненно, один из учредителей “эзотерической инициативы”, которая имплицитно “эзотерическую политику”⁹. Политико-теологическое понятие авторитета предполагает иную интерпретацию истины, точнее говоря, резкое противопоставление универсальной истины (истины-правильности) и истины как персонального послания. Универсальная истина устроена так, что ее значимость не зависит от какого-то определенного места, топоса. Истиной могут распоряжаться все, кто контролирует некий обобществленный дискурс – в любом месте и в любое время. В противоположность этой позиции можно указать на феноменологию места, представленную в “Номосе Земли” (1950) К. Шмитта. Она демонстрирует, что индифферентность универсальной значимости познания и ее языкового выражения есть некий отвлеченный идеал, встречающий решительное сопротивление со стороны множества связанных с конкретными местами и изолированных друг от друга дискурсов. Например, Шмитт указывает на феномен “локализации”, *Ortung*, учреждения специфического места, топоса, в связи с определенным, свойственным только этому месту порядком (*Ordnung*).

Если внимательно вслушаться в стихотворные послания Георге и всмотреться в образный ряд выпретенных манифестов его адептов, то нельзя не уловить тот решительный тон, с которым Георге и георгеанцы исключают индифферентность универсальных истин. Адресат, к которому они обращаются, должен принимать послание всерьез – как образ мысли и жизни. Адресаты рассматриваются не просто как получатели неких персонально-индифферентных истин, а как слушатели, улавливающие “зов” и “ключ”, готовые пожертвовать нейтральностью науки, техники, равно как и политической нейтральностью. Эзотерическая инициатива всегда предполагает тесный круг преданных слушателей, концентрически расположенный вокруг единого центра, главного предмета внимания.

Авторитет в смысле ПТ тесно связан с национал-педагогической идеей в круге Георге¹⁰, равно как и с мифологизацией истории и “видением будущего”. Национал-педагогическая программа Георге, получившая выражение в книгах стихов “Звезда союза” (1914) и “Новый рейх” (1928), образ классики в исследовании Макса Коммереля “Поэт как вожь в немецкой классике” (1928), фигура средневекового императора Фридриха II, идеализированная Эрнстом Канторовичем, книги Фридриха Гундольфа “Цезарь” (1924) и “Шекспир” (1928) вполне встраиваются в модель ПТ и не могут быть сведены к банальным проявлениям немецкого национализма в интеллектуальной сфере. Высокая степень влияния Георге и его учеников на духовно-историческую атмосферу военной и послевоенной Германии объясняется высокой эффективностью владения основным средством воздействия – *языком*, а именно, распространением специфического словаря, определенных образов и фигур, связанных с социально-политическими ценностями. Последние встречаются не только в книгах стихов самого Георге, но и в сочинениях его учеников, которые преподавали в университетах, а значит, могли использовать академические ресурсы.

Здесь я сформулирую три принципа *sine qua non* политической теологии Георге, которые развивались в кругу друзей и последователей Мастера. 1) *Идея ордена избранных*

(в форме “союза”, платоновского “государства”, “рейха” или “тайной Германии”); 2) *фигура поэта как вождя и воспитателя*; 3) *притязание на тотальное господство*, выраженное в гордом имперском жесте и мечте о рейхе, а также *готовность к служению и послушанию* превосходящей власти.

3.1. Принцип союза

Первые десятилетия XX в., и особенно, годы Веймарской республики, были десятилетиями союзов и кружков (здесь можно вспомнить, например, об элитарном Serakreis, круге правого интеллектуала и издателя Ойгена Дидерихса, “Клубе господ” Хайнриха фон Гляйхена, а также многочисленных боевых союзах фронтовиков типа “Штальхельма”, “Союза Оберланд”, “Младогерманского ордена”). В оппозиции “общество” vs. “общность” (Gemeinschaft) предпочтение отдавалось последней. Она имела ясную структуру и четкий мировоззренческий профиль. Союз (Bund), кружок (Kreis), отряд-стая (Schar) или орден не являются политическим объединением в узком смысле слова и отличаются от парламентской партии. Они служат не столько борьбе за власть, сколько воплощают собой определенный экзистенциальный ориентир, т.е. основаны на фундаментальной оппозиции друга-врага (К. Шмитт). Таким образом, если мы исходим из более широкого понятия политического, а именно, что любая форма общности, задающая жизненный ориентир, обладает политическим характером, то союз окажется прямой противоположностью публичной политике государства. Чем больше притягательная сила бюндиш-общности, тем больше она будет стремиться брать на себя роль государства, которое при обычных, “нормальных” условиях авторитетно претендует на политическое образование своих граждан.

Идея ордена избранных – это политико-теологическая точка пересечения между авторитетом и его репрезентацией, общее символическое место многих мыслителей и писателей эпохи меж двух мировых войн, которые мечтали реализовать культово-элитарную общность в форме союза. Отсюда гипотеза: *не является ли круг Георге прототипом базовой экзистенциальной формой “консервативной революции”*.

Парадигматическим стихотворением, в поэтической форме предвосхищающим и учреждающим духовный союз, можно считать “Клятву”, вошедшую в сборник “Седьмое кольцо” [Георге 1909, 60–61]. Оно построено не столько как диалог между учителем и учениками, сколько как приведение к присяге тех, в ком Мастер и Властитель видит “новую знать” или “благородное семя земли”. В то же время здесь явно высказана политическая оппозиция “друга-врага”, а Мастеру отведена спасительная роль.

“Я избрал для союза и спас ·
Дикие сильные · вас:
Тебя · трупная синь · от тюрьмы ·
Тебя по пути от тьмы ·
И тебя кто на себя клинок
Заточить и поднять смог –
Вы новая знать семя земли ·
Вас силы судьбы свели.”

Теперь мы мечены от меча
Мы спаяны · горяча
Кровь – услада · и ладонь в ладонь ·
В нас горит один огонь ...
Наш путь это твоя колея.
“В вашей клятве власть моя.”
Ты дышишь чтобы нам процветать.
“Моя стойкость – ваша стать.”

Ты нас целью одной напитал ·
Ты впалял её в металл.
Мы закону твоему верны ·
Для войны закалены ·
Правь на пути НАШИХ бед · для нас
Твой самый тёмный приказ!
Вырежи плугом над полем тел:
Свободен лишь тот кто смел!

“Вижу сквозь облачный небосвод ·
Награда грядёт · и вот
Враги для битвы стоят грядой ·
Сыны мои кличут в бой.
Земля за тех кто верен и твёрд
И небо за тех кто горд.
Не тесен отряд · и вал не крут!
Сыны мои шлют салют.”¹¹

(Перевод Н. Пилявского)

Итак, около 1909/1910 Георге собрал вокруг себя мощную группу молодых поэтов и интеллектуалов. В 9-м номере издаваемого Георге журнала “Листки для искусства” был напечатан призыв поэта к созданию нового “духовного Рейха” (“*dies ist reich des Geistes: abglanz / Meines reiches...*”). Естественно, что в качестве наиболее подходящего философского союзника был выбран Платон. Проекцией Георгеанской политической теологии на античную философию полиса стало *отождествление образа философа-правителя из “Государства” с образом поэта-властителя*. И, конечно, “духовный рейх” мог держаться только эротической силой, любовного влечения к прекрасным юношам. Впервые “амальгама между Платоном и Георге” [Маяцкий 2012, 76], между Академией и Кругом была явно артикулирована в переводе платоновского “Пира” (1912), подготовленном К. Хильдебрандтом и снабженном 40-страничным предисловием. Подчеркивая эротический завет Сократа (юноша должен быть не объектом любви, но испытывать влечение к стоящему выше него), Хильдебрандт в то же время утверждает, что в этом диалоге Платон переходит к новым задачам, задачам политическим, и объявляет себя “царем духовной империи”. Совершенно не замечая иронического окончания этого диалога, Хильдебрандт “вычитывает” из Платона своего учителя Георге и высказывает убеждение, что “Пир” можно понять лишь через идею “живой духовной империи”, прямо противоположную реальной политике.

Осенью 1914 г. в “домашнем” издательстве круга Георге “Bondi” вышла первая из серии “духовных книг” (“*Geistbücher*”), которые, по признанию самого Георге, являлись его “политикой”. Речь идет о посвященной “гештальту” Платона монографии молодого философа Хайнриха Фридемманна, павшего в Первой мировой войне. В ней георгеанская герменевтика Платона достигает, пожалуй, своего высшего пафоса¹². Государство Платона, которое Фридемманн не случайно называет “царством” (“*königtum*”), как будто отсылая к средневековому мифу о рейхе, организовано строго иерархическим образом, зиждется “на связке господства и подчинения” и направлено на единый центр: “Так, тесный круг стражей государства определен господством Одного. Этот Один-Единственный мифическим образом возвышается над человеческими пределами и касается головой венца Первоединого” [Фридемманн 1914, 54]. Можно предположить, что источником этих платонических или даже скорее неоплатонических аллюзий Фридемманна послужил более ранний текст Фридриха Вольтерса “Господство и служение”, отрывок из которого публикуется в приложении к статье. Несомненно, Фридемманн придает великому образу философа поэтические черты, стилизуя Платона под властителя и “вождя своего рейха”. Последовательница Георге Эдит Ландманн отмечала в своей рецензии на книгу, что до Георге такое понимание Платона было бы невозможно, ибо за этой книгой скрывается рука Мастера.

3.2. Поэт как вождь и воспитатель

Платоновский проект государства основан на фундаментальной *идее пайдеи*, воспитания мудрого правителя государства. ПТ также немислима без воспитания, с той лишь разницей, что место гражданского воспитания (или: диалектической подготовки философов-архонтов) занимает здесь элитарное воспитание поэта, призванного служить наставником и вождем народа. Установка Георге представляется вполне позднеромантической: поэт должен действовать и как правитель, и как воспитатель; причем в качестве средства воспитания используется язык, а целью его объявляется народ (Volk)¹³. Фридрих Гундольф отмечает: "...для Георге и его последователей важна не эстетическая игра, не самодовольное любование собой и эзотерическое наслаждение языком; для них речь идет о серьезнейшей миссии: формировании человека и народа" [Гундольф 1918, 12–13].

И несколькими строками дальше: "Мы хотим видеть перед собой образцовых людей, таких, одного существования которых достаточно для того, чтобы укрепить нашу ответственность, пробудить нашу совесть и закалить характер – людей, которых нельзя не любить, потому что они несут в себе меру добра и зла, прекрасного и безобразного, достоинства, долга и стыда, придавая новое содержание всему нашему бытию. Эта власть происходит не от простого таланта, а лишь от характера. Для поэта это язык и воплощенный в них гештальт".

В книге стихов "Звезда союза" ("Stern des Bundes") Георге заклинает "дух священного юношества нашего народа" [Георге 1934, 15] и видит свою задачу в том, чтобы "провозгласить новое слово" и пробудить "новый народ" [Георге 1934, 91]. *Ключевая роль в этой связи принадлежит Фридриху Гёльдерлину*. Внутри круга Георге сформировался целый культ этого загадочного и одного из самых глубоких немецких поэтов.

В трех стихотворениях "Типерион" из последней книги стихов Георге "Новый рейх" (1928) как бы берет слово сам поэт, провозвещающий "пришествие нового Бога". Гёльдерлин выступает не как образцовый поэт или певец "прекрасной жизни", но как пророк, poeta vates, и вместе с тем – критик современной Германии и предтеча "будущих сынов солнца", в чьих "робких" глазах живет столь ценимая Георге "мечта" [Георге 1928, 16–19]. ПТ Георге связана с учением о необходимости Посредника. Он обнаруживает, являет "Бога", спасающего из "нужды" современности, и требует от людей священного "опьянения", в котором этот Бог только и может быть узнан.

Зададим вопрос: почему Гёльдерлин? Ведь культовой фигурой немецкой литературы в течение столетия был Иоганн Вольфганг фон Гёте?! Германское юношество, по мысли Георге, должно черпать воодушевление из пророчества Гёльдерлина о новом Боге, вооружаясь тем самым на борьбу с разрушительными силами современного мира, а точнее, индустриального общества. Для этой цели уже не подходят ни оптимистический гуманизм Гёте классического периода, ни скептическая мудрость старого Гёте. Так, в предчувствии грядущего "времени героев" литературовед, поэт и переводчик Макс Коммерель смело наделял Гёльдерлина чертами "вождя", чем-то напоминавшего Эмпедокла – мудреца, одиночку и вдохновенного харизматика [Коммерель 1928, 458]. Этот поэт наделяется профетическими чертами посредника между богами и людьми, он усматривает высшую идею народа и потому является аристократом духа. "Поэт, – пишет Коммерель, – сообразующийся с народом в высшем смысле, занимает особый ранг среди великих поэтов. Он не только заключает в себе блестящую историю, предстоящую этому народу в будущем, но и формирует ее, ибо история есть всего лишь проекция Образа такого народа на временную плоскость. Но прежде всего он воплощает в себе знать этого народа. Ибо целый ряд весьма влиятельных и славных народов прошлого никогда не смогли возвыситься в своей жизни до Образа. Во всем нашем поэтическом прошлом есть лишь один поэт, Гёльдерлин, чье творчество вселяет в нас уверенность в том, что судьба улыбнулась нам так же, как и грекам" [Коммерель 1928, 470]. Одним словом, Гёльдерлин – поэт, сумевший наиболее ясно выразить "немецкую судьбу" [Коммерель 1928, 481].

Известно, насколько большое влияние оказало открытие поэтического наследия Гёльдерлина внутри круга Георге (но прежде всего это заслуга Норберта фон Хеллинграта)

на представителей “консервативной революции” – будь то М. Хайдеггер, Ф.Г. Юнгер или Г. Небель. Можно привести позднее свидетельство К. Шмитта, который писал в своем дневнике “Глоссарий” (запись от 17 мая 1948 г.): «Решающим шагом на рубеже веков стал переход от гениальности гётевского к гениальности гёльдерлиновского типа. Лозунг “Молодежь без Гёте” (Макс Коммерель) воспринимался нами с 1910 года *in concreto* как “Молодежь с Гёльдерлином”. То был переход от оптимистично-иронично-нейтральной гениальности к пессимистично-активно-трагичной гениальности...» [Шмитт 1991, 152].

Упоминание Гёльдерлина у Шмитта отнюдь не случайно, ибо предпосылкой ПТ, как уже говорилось, является различие между другом и врагом. В свою очередь, это различие, как убедительно показал Хайнрих Майер, базируется на “предельной” противоположности между добром и злом, Богом и сатаной, повиновением и неповиновением, безоглядной самоотдачей ради высших ценностей и отказом от всякого порядка и иерархии [Майер 2004, 22 и сл.]. Иными словами, главный враг синонимичен секуляризации! Тем самым выбор в пользу Гёльдерлина и “трагической” истории литературы означал объявление войны обмирщенному “порядку” современного буржуазного государства.

Поэт видит перед собой лишь свет и тьму, “героическое человечество”, олицетворяемое возвращенным им юношеством и “гнилостное болото” и “всеобщий хаос” современного общества. Или, как формулировал в 1911 г. редактор “Ежегодника духовного движения”: “Мы верим что теперь решается не вопрос о том, какой класс или народ одолеет другой класс или народ, но мы верим в необходимость провозглашения совершенно другой борьбы, борьбы Ормузда против Аримана, Бога против сатаны, мира против мира” [Ежегодник 1912, VIII].

3.3. Господство и служение

Служба высшей, превосходящей власти и теория жертвы входят в число базовых категорий германского консерватизма. В этом связи хорошо “работает” предложенное Максом Вебером понятие “харизматического господства”. Георге воплощал собой “харизму” поэта, который владел техникой легитимации своих притязаний на господство. Ведь он последовательно отождествлял себя со своей “вестью” (*Sendung*) и абсолютно слился с ролью инструмента, находящегося на службе у “высших сил”.

То обстоятельство, что Георге рассматривал свой культ (выстраиваемый вокруг его фигуры многочисленными “апостолами”, и прежде всего Вольтерсом и Гундольфом) в качестве “политики”, получает достаточно внятное объяснение в рамках “политической теологии”. Но было бы неверно считать эту “политику” своего рода субъективной стратегией реализации высшей поэтической миссии посредством культа и господства¹⁴. Политическое – это не просто одна из областей культуры, поле и инструмент (демократической/ недемократической) организации социальных отношений, а постоянная борьба и противостояние, описываемое в категориях действия высших, божественных сил и поэтического отождествления с ними. С одной стороны, поэт сам подчиняется высшему закону миссии, а с другой стороны, он черпает оттуда – в сознании представителей его круга – легитимность своего господства. В рамках ПТ, основанной на оппозиции друг/враг и экзистенциальной конкретности выбора между Богом и сатаной, господство нельзя обосновать, поскольку оно в принципе не требует обоснования. Поэтично-экзистенциальное измерение политического превращает любой союз с авторитетом как учреждающей орденом инстанцией в абсолютную величину (а потенциально и в могущественное политическое единство), благодаря чему тотальное в форме “империи” или сильного “тотального государства” оказывается единственной точкой опоры.

В основе эссе поэта, литературоведа и переводчика Фридриха Гундольфа [Гундольф 1909, см. ниже перевод фрагментов эссе] лежит мысль о “гештальте” вождя, берущего на себя историческую задачу “перевоспитания душ”. Он подобен суверену, поскольку стоит выше любого нормативного начала, поскольку несет закон в самом себе и являет новый порядок. Он действует в свете божественной правды, поскольку провозвещает при-

шествие “грядущего бога”. Адресаты его послания – “исполненные веры и любви” “послушники”, заставляющие вспомнить о подвиге апостолов Христовых. Эти приверженцы мобилизованы на борьбу с буржуазной пошлостью и “пестротой” (платоновской “пойкилией”), стремлением к удовольствиям и “оригинальничанью”, что воплощает в себе зло современного мира. Ученики, всегда “немногие”, учатся приносить себя в жертву необходимому, того, чего желает судьба. Но их самоотречение и служба питается любовью к “единственному” – тому, кто удовлетворяет их жажду вечного. В духе диалектики “Пира” они покорно устранили свое индивидуальное “Я”, становясь “Личностями”, на которых запечатлевается “возвышенный образ человечества”.

Господство, “рожденное и несомое” правителем, образует ядро книги Фридриха Вольтерса с типичным для круга названием “Господство и служение” [Вольтерс 1909, см. перевод фрагментов эссе]. Примечательно, что профессиональный медиевист и ярый приверженец Георге связывал рождение круга с событием явления “духовному правителю” Бога и Спасителя¹⁵. Образ круга получает у Вольтерса онтологическое толкование: он проецирует на отношение Мастера и учеников неоплатоническую модель эманулирующего Единого, выстраивая целую систему концентрически расходящихся кругов, которые в конце концов должны вернуться к истоку. Сочинение Вольтерса также ценно тем, что в нем можно видеть не только харизматически заданное, личное отношение доверия между Мастером и учениками, но и то, как оно применяется к более широкой сфере – к “Духовной Империи” или “Духовному Рейху”¹⁶.

4. Поэтизация политического. Выводы

Политические идеи, разработанные внутри круга Георге, обрели – при всей своей гетерогенности и внутренней противоречивости – существенное духовно-историческое (интеллектуальное) влияние на консервативную революцию. Новые представления о задачах государства, элитарные или иерархические модели общества. Харизматичный, интегрированный круг Георге стал настоящей лабораторией интеллектуальной истории на рубеже столетий.

Мы видели, что ПТ в круге Георге с тремя ее существенными признаками (идея ордена, поэт-вождь, притязание на тотальное господство) сконцентрирована вокруг авторитетной/авторитарной фигуры автора, который полностью репрезентирует собой идею и пробуждает у других веру в эту идею¹⁷. Поэт в качестве поэта-пророка (*poeta vates*) руководствуется высшей миссией и свидетельствует о ней своим уникальным поэтическим “языком”. Тем самым автор, как бы следуя руководящим линиям ПТ, неизбежно осуществляет эстетизацию или поэтизацию политического. Необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет не о трансформации политических представлений и форм сознания в чисто эстетические качества, а о прямо противоположном процессе: отправной точкой для эстетического понимания политики¹⁸ в смысле ПТ служит как раз авторитет поэта и инициированное им “духовное движение”. Следствием этого процесса является примечательное смещение семантики понятий.

Ш. Георге “перереформатировал” историко-политический словарь за счет того, что понятия вроде “государства”, “союза”, “рейха” (сначала вильгельмовской Германии, а затем Веймарской республики) были изъяты из “реально-политического” контекста и получили “реально-духовное” звучание. Его “трюк” заключался в том, чтобы обрести максимальное влияние на современность, прежде дистанцировавшись от нее на максимальное расстояние. Осуществлению этого замысла должно было помочь программное понятие “рейха”, равно как и усвоенное приверженцами Георге платоническое учение о двух мирах. И то и другое указывает на успешную “спиритуализацию” политического (“*dies ist Reich des Geistes*”!).

Подобно тому, как Георге извлекал понятия из реально-политического дискурса и *ретроспективно* превращал их в образы, гештальты, мифы, он параллельно освобождал их от связи с настоящим и *проспективно* относил их осуществление в неопределенное будущее,

о котором можно только пророчествовать. Империя или Рейх, о котором говорит Георге, – это никоим образом не современный вильгельмовский рейх, а будущий рейх (близкий к фигуре “грядущего Бога” Гёльдерлина). Этот трюк можно было бы назвать “мессианизацией политики”. «Вот то место, – пишет германский исследователь У. Раульф, – где наряду с платонизацией политики в игру вступает миф рейха. Он перескакивает через нелюбимую действительность в темпоральном смысле и делает короткое замыкание между измерениями прошлого и будущего: воспоминание о мифе рейха становится шифром обетования. В рамках этой эсхатологии “государство” проецируется в неопределенное будущее» [Раульф 2009, 186].

Свою роль здесь играет и проект “духовных книг” (“Geistbücher”). Переносу Георгеанского “послания” в плоскость риторики во многом содействовали сочинения членов круга и, прежде всего, Гундольф и Вольтерс. Они “наводили мосты” между поэтической политикой Георге и представлениями современников, а также обеспечили влияние ПТ Георге на немецкую интеллектуальную историю первых десятилетий XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бройер 1995 – *Breuer S.* Ästhetischer Fundamentalismus. Darmstadt, 1995.
- Богатов 2011 – *Богатов М.* Gesamtkunstwerk Вагнера и государство // Сократ. № 3. 2011. С. 56–61.
- Вольтерс 1909 – *Wolters F.* Herrschaft und Dienst. Berlin, 1909.
- Георге 1909 – *George S.* Der siebente Ring (1907). Zweite Ausgabe. Berlin, 1909.
- Георге 1928 – *George S.* Das Neue Reich (1928). Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 9. Berlin, 1928.
- Георге 1934 – *George S.* Der Stern des Bundes (1917). Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 8. Berlin, 1934.
- Георге 1997 – *Георге Стефан.* Стихотворения в переводе Н.О. Гучинской. Сборник. Сост. С.Р. Абрамов. На нем. яз. с параллельным русским текстом. Майкоп, 1997.
- Георге 1999 – *Георге С.* Избранное. Перевод с немецкого Нины Канн. М., 1999.
- Георге 2009 – *Георге С.* Седьмое кольцо. Избранные книги / Пер. с нем. В. Летучего. М: Водолей, 2009.
- Гроппе 1997 – *Groppe C.* Die Macht der Bildung. Das deutsche Bürgertum und der George-Kreis 1890–1933. Köln, Weimar, Wien, 1997.
- Гундольф 1909 – *Gundolf F.* Gefolgschaft und Jüngertum // Blätter für die Kunst. VIII. 1909. S. 106–112.
- Гундольф 1918 – *Gundolf F.* Stefan George in unserer Zeit. 3. Aufl. Heidelberg, 1918.
- Ежегодник 1910 – *Jahrbuch für die geistige Bewegung*, I, 1910.
- Канторович 1933 – *Kantorowicz E.* Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei der Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933 // *Benson Robert L., Fried Johannes (Hg.):* Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Princeton/Frankfurt. Stuttgart, 1997. S. 77–93.
- Карлауф 2007 – *Karlauf Th.* Stefan George. Die Entdeckung des Charisma. München, 2007.
- Коммерель 1928 – *Kommerell M.* Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Klopstock – Herder – Goethe – Schiller – Jean Paul – Hölderlin. Berlin, 1928.
- Ландфрид 1975 – *Landfried K.* Stefan George – Politik des Unpolitischen. Heidelberg, 1975.
- Майер 2004 – *Meier H.* Die Lehre Carl Schmitts. Vier Kapitel zur Unterscheidung politischer Theologie und politischer Philosophie, 2. Aufl. Stuttgart/Weimar, 2004.
- Майер 2012 – *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и “Понятие политического”. О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М.: Издательская группа “Скимень”, 2012.
- Маяцкий 2012 – *Маяцкий М.А.* Спор о Платоне. Круг Штефана Георге и немецкий университет. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Михайловский 2008 – *Михайловский А.В.* Консервативная революция: апология господства // Концепт “Революция” в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 264–283
- Михайловский 2010 – *Михайловский А.В.* Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у “стены времени” // История философии. № 15. М.: ИФРАН, 2010. С. 57–82.
- Михайловский 2012 – *Михайловский А.В.* О “политической теологии” в круге Георге // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 163–167.

- Нортон 2002 – *Norton R.E. Secret Germany. Stefan George and his Circle.* Ithaca, 2002.
- Раульф 2009 – *Raulff U. Kreis ohne Meister. Stefan Georges Nachleben.* München, 2009.
- Травни 2010 – *Trawny P. Die Autorität des Zeugen. Ernst Jüngers Politisches Werk.* Berlin, 2010.
- Травни 2010 – *Trawny P. Adyton: Heideggers esoterische Philosophie.* Berlin: Matthes & Seitz, 2010.
- Фридемманн 1914 – *Friedemann H. Platon. Seine Gestalt.* Leipzig, 1914.
- Хеллинграт 1921 – *Hellingrath N. von. Hölderlin. Zwei Vorträge. Hölderlin und die Deutschen, Hölderlins Wahnsinn.* München, 1921.
- Шмитт 1991 – *Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951.* Hrsg. von Eberhard Freiherr von Medem. Berlin, 1991.
- Шмитт 2000 – *Шмунт К. Политическая теология; Римский католицизм и политическая форма; Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмунт К. Политическая теология.* М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Примечания

- ¹ Русский перевод стихотворения цитируется по изданию: [Георге 2009, 167–168].
- ² Ульрих Раульф также говорит о “сфере поэтической или метафорической политики” [Раульф 2009, 114].
- ³ Авторство перечисленных концептов не вызывает сомнений. Установить же факты заимствования или ссылки на соответствующие сочинения круга Георге у представителей консервативной революции представляется едва ли выполнимой задачей – отчасти из-за публицистического или эссеистического характера сочинений “консервативных революционеров”, отчасти из-за того, что авторство концептов могло восприниматься как групповое.
- ⁴ См., напр.: [Михайловский 2008, 264–283], [Михайловский 2010, 57–82].
- ⁵ В последнее время дело, кажется, постепенно сошло с мертвой точки. Например, в Германии за последние два десятилетия вышло несколько блестящих исследований, рассматривающих круг Георге в контексте интеллектуальной истории – [Гроппе 1997], [Карлауф 2007], [Раульф 2009]. Отдельно следует назвать книгу американского германиста о “тайной Германии” [Нортон 2002].
- ⁶ См., например [Георге 1997], [Георге 1999], [Георге 2009].
- ⁷ Этот тезис предполагает иное понимание политического. Клаус Ландфрид, с одной стороны, прав, когда называет Георге “неполитическим” автором [Ландфрид 1975]. Действительно, он не имеет ничего общего с “реальной политикой”. Но с другой стороны, либерально-демократически ангажированный исследователь упускает из виду иное измерение, связанное с авторитетным/авторитарным притязанием на воспитание и руководство. Таким образом, ключевой для германской праворадикальной мысли первых десятилетий XX в. Вопрос об авторитете и господстве, может быть поставлен при условии разграничения *политики* как парламентской борьбы и легальных процедур принятия решений и *политического* как особой экзистенциальной сферы.
- ⁸ Подробнее о различии “политической философии” и “политической теологии” в контексте дискуссии между К. Шмиттом и Л. Штраусом см.: [Майер 2012, 167–191].
- ⁹ О понятии “эзотерической инициативы” см. блестящее исследование П. Травни, посвященное “эзотерической философии” Хайдеггера [Травни 2010, особенно: 35 и сл.].
- ¹⁰ Подробнее о “педагогике” в круге Георге см. [Гроппе 1997].
- ¹¹ В этом и других переводах сохраняются особенности георгеанской пунктуации.
- ¹² М. Маяцкий хлестко называет эту первую “гештальтовую” книгу “Ветхим Заветом георгеанской платонотатрии” [Маяцкий 2012, 89].
- ¹³ Можно предположить, что эта позднеромантическая модель переформатирования политики художественными средствами до Георге была задана Вагнером в его проекта *Gesamtkunstwerk*’а. Известно, что Платон критически относится к мимесису в государстве, а потому предлагает изгнать поэтов из своего идеального полиса. Причиной такого решения у Платона является *неопределенность*. Ведь, согласно Платону, государство должно избегать любой неопределенности, коль скоро принцип государственного устройства – справедливость – требует того, чтобы каждый занимал подобающее ему место. В то же время поэтическое творчество полно неопределенности, и в этом смысле поэт неуместен в государстве, является аторос. О переосмыслении этой платоновской проблемы в позднеромантической эстетике очень точно пишет М. Богатов: “Вагнер, будто бы занимая место в этом споре, заявляет, что в сегодняшнем государстве как раз само государство неуместно, поскольку именно оно, каким он его описывает, повсеместно распространяет неопределенность (вытекающую из отсутствия ориентации политики на истинные нужды народа), государство ориентируется на

излишество. В этом смысле *неопределенность* у Платона сродни *излишеству* у Вагнера. И сегодня лишь искусство, на основе подлинной нужды народа, способно породить – посредством *Gesamtkunstwerk* – смысл немецкой уместности, не избыточности, и, соответственно, государственности как таковой. Через эту критику буржуазности как излишества и неопределенности истинными нуждами народа, рождается та эпоха, которую мы называем эпохой модерна” [Богатов 2011, 59–60].

¹⁴ Так считает, напр., К. Ландфрид: [Ландфрид 1975, 172].

¹⁵ Da kamst du spross aus unsrem eignen stamm
Schön wie kein bild und greifbar wie kein traum
Im nackten glanz des gottes uns entgegen:
Da troff erfüllung aus geweihten händen
Da ward es licht und alles sehnen schwieg
[George 1934, 8].

¹⁶ М. Маяцкий справедливо отмечает конкуренцию между двумя главными “апостолами” Георге и существенные различия в их интерпретации господства. «Для Вольтерса главное – власть и добровольное, восторженное ей подчинение; для Гундольфа важна любовь к Мастеру – и не за его власть, а за то, что он ведет к новому познанию. Если Гундольфу Мастер предстает посредником между учеником и Идеей, то для Вольтерса Мастер воплощает Идею. Вольтерс со всей риторической мощью настаивал на действии, деянии, на деятельном характере и правителя, и учеников..., тогда как у Гундольфа Мастер остается хранителем ценностей и воспитателем учеников. Наконец, если воспитание увенчивается для Гундольфа расцветом личности, венцом служения у Вольтерса выступает самопожертвование. Несомненно, таким образом, что Вольтерс однозначнее и определеннее вписывал образ Мастера в общий для “консервативной революции” культ вождя» [Маяцкий 2012, 24].

¹⁷ Георге (как и более поздние консервативно-революционные авторы вроде Э. Юнгера или М. Хайдеггера) может быть с полным правом назван представителем поэтического жизненного проекта, в котором две традиционные черты немецкой духовности, “*Dichten und Denken*”, являют собой не “научную” или “частную” деятельность, а понимаются как экзистенциальный проект с определенным истинностным содержанием.

¹⁸ Ср. определение Штефана Бройера: “эстетический фундаментализм” [Бройер 1995].

Послушание и приверженство¹

ФРИДРИХ ГУНДОЛЬФ

Коль скоро некий вождь уж выступил вперед да так что ныне явлен всем его гештальт порочимый лишь но более несокрушимый · стремятся люди подавить его власть называя послушников скверными именами да вышучивая первое его *воздействие* однако ж само его *творение* оставляют неприкосновенным. Творение не отвечает на злобу дня · не бросает вызов: оно имеет достоинство. Воздействие же вторгается · не дает успокоиться на своем... Коль скоро почти все начинают восторгаться каким-нибудь новым зрелищем глупо и неодобрительно поморгав вначале · то ничто не вызывает более упорного сопротивления нежели новое очарование. Легче дивиться чужим образам нежели подчиняться непривычной власти · удобнее хвалить нежели служить · возбуждаться нежели оформлять себя. Перевоспитание же душ есть желание либо смысл всякого могущественного сказывателя и делателя – с его ли без его ли ведома. Он понуждает · куда бы он ни шел он должен превращать · волею ли или неволею. Помимо его целей и помимо его неотвратимого одиночества он есть рок · что он произносит более не есть его собственность. Служит он тайному закону: в нем его убедительность и власть · его долг и его ответственность. Он не предъявляет притязаний ни к кому в отдельности да и никто не предъявляет их к нему. Он сам есть притязание · его существо корпус закона · кто распознал знак под коим он грядет должен уничтожить его либо поклониться ему: тот зрит новое утро мира и следует за преобразователем · жертвуя всем что не служит будущему порядку являемому ему вождем.

Нашей эпохе чужды и чуть ли не смешны гештальт и понятие “приверженца” · ни одно другое время не оскаливается более злобными гримасами приверженства нежели наше. Оно проклятие и поругание искажающее поруганных · вынуждающее оболганных и лишенных при свете дня верной невинности к отвратительному маскараду так что вымученные маски прирастают к живому телу: и преследуемая карикатура в конце концов обретает действительность. С тех пор как оригинальничанье является самой востребованной добродетелью и ничто не считается более подозрительным нежели безоглядная преданность · с тех пор как усмешка является выражением превосходства а сомнение знаком свободы · с тех пор как вещи хотят быть отражениями шатких желаний а люди связками зыбких восприятий и страстей · с тех пор как скупивание заменяет всеобщность

¹ Оригинальный текст: *Gundolf Friedrich. Gefolgschaft und Jüngertum // Blätter für die Kunst. VIII. 1909. S. 106–112.* Русский перевод сделан по антологии сочинений круга Геопре: *Der George-Kreis. Eine Auswahl aus seinen Schriften. Hrsg. von Georg Peter Landmann. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. S. 78–81.* В переводе воспроизводится авторская пунктуация.

а затейливое своеобразие целостность: у нас вместо школ возникли клики · вместо приверженцев снобы · вместо союзов и братств объединения и компании а вместо человеческой верности обоюдная зависимость и гарантии: вещи никому не мешающие по существу · названия служащие удобными клеймами для всяких следов либо начинаний подлинных единств. Лишь видимость права извлекают эти нападки из возможности смешения и вот так смешение · умножение · искажение продолжается без конца.

Однако где власть там наряду с подлинными сторонниками появляются и неподлинны. Ветер дует и поднимает сухую листву и пыль. У новой вести находятся апостолы еще и потому что она нова и противоречива · потому что она приятно раздражает нѣбо давая почувствовать Неиспробованное после обычно пресного · потому что люди представляют себе благородными когда их число мало. Таким важно не само дело а лишь тщеславие да и свет интересен им только тем что падает на их зеркала. Безразлично следуют ли они рыночным зазывалам или мастерам · они мирятся и с насмешками ибо они кажутся им украшением и запятнанные платя носят они как Циники свои лохмотья из протестного пафоса против роскоши. То что их именуют шутами принимают они за знак своей мудрости и утверждают правоту своих мнений лишь из нежелания принимать мнения Других. В истории им отведена особая роль: они обостряют притупленные чувства и приучают их к крайностям · они пробуждают страсти своими яркими тряпками и карикатурными ужимками притягивают взоры всех к арене борьбы · они ускоряют плодотворный спор · готовят слух для свиста пуль и по доброй воле выполняют труд который никогда не позволительно брать на себя настоящему спокойному спорщику и бойцу · верующему и действующему. От них непоправимый ущерб: они учат смешению сущности и временных форм · принижают Редкое превращая его в элемент роскоши · средство для возбуждения · извращают новые прозрения и низводят их до занозы в глазу · разрушают целостность знания своими вычурными пристройками и в почву готовую для посева и высадки черенков ввинчивают свои устройства для фейерверков.

В общем хоре лягушек образуются новые кучки попов · легковерных ревнителей. Они зрят особенность вести · но не почву на которой она возникает · действительность · не необходимость · они схватывают очертания а не гештальт и всегда рискуют воздать почести случаю вместо сущности: уникальные речи · жесты · нужды мастера они превращают в жесткую догму и темницу для пойманных в сети душ · они черпают свет решетом и заполняют им бутылки боясь могущества · лишь бы только не вышла наружу пристально охраняемая ими сила. И им воздастся · ибо они верили. Они ничего не ищут для себя · они умеют жертвовать не ожидая тщеславно одобрения · не лелея задних мыслей нечистых и не уповая на то что их преданность вернется им сторицей. Безумие их есть печальный удел всего человеческого но их тлеющий приглушенный огонь тоже помогает распылять массу из которой будет отлит будущий образ. Их муки и собранные для рывка силы · их душевный подъем и натиск побуждают даже вождя собрать поэтические силы и приготовиться к ответному удару · они нужны ему дабы возжечь пламя священной войны. Но накануне победы они должны пасть: после нее попы становятся святее самого папы · окаменелые стражники окаменевшего грааля. Те кто перед началом борьбы служат духу непроницаемой нестигаемой пробивной фалангой · воздвигают после победы свой знак · свой крест словно памятную стелу на поле брани: “сие есть древо жизни” и ежели появится грядущий бог · они пригвоздят его там. Их проклятие в том что они имеют лишь веру и ревность но не любовь.

Любовь. Для кого вождь лишь олицетворяет дело тот не понял его: для кого он лишь личность тот не может ему служить. Тот же чья жажда Вечного и жажда слова утоляется этим смертным человеком · кто видит как в нем безграничное содержание обретает черты и гештальт и для кого сей учитель незаменим тот вправе именоваться его Приверженцем. Он привержен ему · ибо выразить содержание его души не может никакой иной символ. Истинному Послушанию ясно почему есть учитель и почему он таков каков он есть · оно не станет принимать его условность безусловно · но будет любить Безусловное что обуславливает его · не станет творить добродетели из его недостатков · но будет чувствовать как все его добродетели происходят из этой нужды. Кто постигает сердце тому ни к чему

следить за пульсом и нервами · кто схватывает и любит Целое тот схватывает и любит Единичное. Ибо всякое копание в живой поросли являет лишь ограниченность самого копателя. Кто служит без тщеславия и принуждения тот не будет служить слепо: ведь он следует потому что узрел и верит потому что ведает и ведает потому что любит. Такой приверженец никому не захочет навязывать образ своего учителя: он слишком родной ему. Уговаривать и проклинать сомневающийся он тоже не станет: ведь его богатство в знании что дух постижим лишь для духа а насилию не место в душевном царстве. Не подражание обязанность приверженцев: они горды тем что мастер единственный. Они не должны *делать* его образы · но *быть* его творением · не выставлять всем напоказ его окаменевшие черты и жесты · но вобрать в свое бытие его кровь и его дыхание · его свет и его теплоту · его музыку и его движения и передать дальше во все еще ооченелый и пустой мир · они должны быть живыми печами что он растопил · материей что он одушевил: осуществлением его великого дыхания · его воплощением · умножением · и во всяком случае нести речи следы лучи и семена его силы. Для сей задачи им надлежит наполниться его сущностью и тем что наполняет его · удалившись от нечистой материи и не касаясь скверны · освободившись от собственнических притязаний сластолюбивых блужданий и высокомерного обособления Я: нет оснований гордиться тем что они тоже присутствуют здесь и чваниться тем что они могут быть или действительно суть рядом с Необходимым. Узнавая Необходимость они покорно устраниют свое Я и с радостью становятся горячим для возвышенного пламени.

Но ежели как исполнения высшего долга требуют · ах даже от детей · быть “Личностью” · то нужно тщательно рассмотреть основания такого требования и выявить тот ложный смысл которым сегодня наполняется это слово: случайная · единичная · ограниченная форма · пучок инстинктов · желаний · представлений и способностей что получил в удел нынешний жалкий человечешко должно вдруг проявить себя во всей полноте · становится конечной целью и требует к себе благоговеющего отношения · как если бы священной формулой Гёте подразумевалось ничто иное как канонизация мух-однодневок: а ведь он называл свое сердце редчайшим на земле. Лица суть все · личности же есть лишь там где мировещество образует новые кристаллы: предлагать их на всех перекрестках · значит осквернять слово и ценность. Кому чтобы быть самоцелью достаточно одного дарования · особого вкуса · особого пристрастия только потому что оно его · тот пусть выставляет свое половинчатое Я на всеобщее обозрение и пожинает дешевую славу которая преследует ныне всякую диковинность и знаменитость. Кому же этого недостаточно тот целомудренно и молчаливо принимает судьбу · приносит жертву времени · или ищет учителя который поведет его к жизни в новом целом. Кому не под силу учительство пусть научится быть слугой или приверженцем – это лучше чем быть суетливым ничтожеством. Ибо скоро наступит время · когда ничто не будет цениться меньше нежели талант без человеческой почвы · нежели искусная речь без нужды · нежели пестрота без тела. Научиться можно теперь всему · сотни прежде косноязычных уже освоили красноречие · тысячи прежде неуклюжих стали ловкачами: сдержанность и целомудрие · спокойствие · верность · мужество и все силы что дает самоотречение и служба – лишь они одни могут сегодня приготовить исковерканную почву для нового посева. Отныне честолюбивая цель Истинных приверженцев не в том чтобы усугублять путаницу и добавлять пестроты · а в том чтобы душеобразующий Центр вновь обрел воздух и пространство и смог произвести возвышенный образ человечества. Им следует знать что они лишь материя и средство и подобает им снова научиться жертвовать. И ежели высмеивают их ради малого их числа: то пусть они приведут себе на память свой высший символ: из Христовых апостолов никто не был гением и разве только Иуда мог бы именоваться личностью в сегодняшнем смысле · но поскольку они – бедные рыбаки – были верны и полны готовности послужить · исполнены веры и любви · они сумели осуществиться в мире и принести плоды более достойные в отличие от изощреннейших Софистов из евреев и язычников · и до сего дня струится их кровь в великом источнике Любви.

Перевод с немецкого А.В. Михайловского

Господство и служение¹

ФРИДРИХ ВОЛЬТЕРС

Толпу ты грозной силой считаешь,
Дитя мое? Не стану отрицать:
Она сильна. Но сколь сильнее те
Немногие, что ей повелевают,
Ведут ее и властвуют над ней!

Гёте. Внебрачная дочь
(Перевод Н. Вильмонта)

Империя

Подобно тому, как над кровным родством и смешением крови (Blutvermischung) стоит родство духовное и смешение духа (Geistvermischung), история коих дотоле не будет написана, доколе люди будут мнить себя видящими суть всемирной истории за грубыми очертаниями внешних явлений и, вместо того чтобы внутренним оком и внутренним чувством следуя формам пробиваться к самому ее средоточию, будут с лупой и циркулем вычислять характер трудов и деяний на основе случайных вещественных деталей и обстоятельств, так и над империями с их расовыми и хозяйственными границами высится в свободном пространстве самосозидаемой атмосферы не ведающая ни гор ни таможен ИМПЕРИЯ ДУХА. Поскольку тело этой Империи нигде не просматривается так отчетливо, как в отражениях естественных вещей и их душевного движения, то мы называем Природу, под каковым словом разумеется воплощение всей чувственно познаваемой вселенной, и Душу, под каковым словом разумеется единство несущей и действующей силы, присущей отдельным существам, Уровнями Империи и на их основании, в их формообразованиях наблюдаем явление величайших образов, истекающих из живого центра к восприимчивой их окружности. Всякое органическое формообразование зиждется на постоянном кругообращении целокупной полноты сил, и чем больше эта полнота, собранная воедино в мельчайшем ростке жизни, тем шире окружающая ее оболочка, тем мощнее питательные соки, идущие от бытийной сердцевины к периферии. Так организм

¹ Оригинальный текст: *Wolters Friedrich. Herrschaft und Dienst. Berlin: Einhorn-Press, 1909; второе издание – Bondi, 1920. S. 7–13; 54–56. Русский перевод сделан по антологии: Der George-Kreis. Eine Auswahl aus seinen Schriften. Hrsg. von Georg Peter Landmann. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. S. 82–86. В переводе воспроизводится авторская пунктуация.*

Империи включает в себя все возможности духовного творчества: концентрически и иерархически расходящиеся круги связаны между собой непрерывным чередованием воздействия и восприятия и в то же время различаются за счет смешения свойственных тому или иному кругу веществ. Ведь проистекающее единое просто, но его белый свет преломляется, падая на поверхности Природы и Души, озаряет все покоящееся и движущееся своими цветными лучами и создает в неисчерпаемом многообразии Природы и Души все новые и новые Силы, столь же недоступные для грубого прикосновения рук, сколь бесценные и подлинно действительные для чувствилищ духа. Они суть надежная опора всех форм, молчаливая причина всех преобразований, и поскольку нет у них иных препятствий, кроме тени и пустоты, то воздействие их распространяется до бескрайних далей. И пусть мы не можем проникнуть в них с помощью человеческих чувств и способностей, но благодаря их неразрывной связи с идеальным содержанием мы в состоянии узреть их в облике прекрасных светил или же ощутить внутренним зрением, интуитивной как неожиданное чудо. И тогда как пространство Империи всегда пребывает безграничным, его изменения обусловлены временем, потому что в нем меняется сущность его Господства. Господство же есть та власть, которая распространяет свой свет из животворящей середины к окружности, которая, не соизмеряясь в своем приговоре ни с чем другим кроме Бога, устанавливает своим творением закон, и навязывая свой идеальный образ членам круга и правящим силам, запечатлевает Духовную Империю в круговороте времени. Ибо хотя Господство и нерушимо в своей сущности и его особая форма как дремлющее наследие либо образует скрепу времен или, будучи известной немногим, вселяет в них тайную отраду и ждет прихода будущих поколений, круг с самого своего возникновения и до полного воплощения Духовной Империи привязан к земной мере, исполнение коей начинается с распада сил и отмирания членов. Поток жизни возвращается из обеих Уровней Империи к центру и оставляет после себя на пути другим лишь пустые оболочки. После могут наступить болезненные времена, когда Господство для видимости украшает себя омертвелыми вещами, а народ без вождя на все стороны расхваливает свое затхлое болото. Жизнь превращается в приманку, как если бы она едва хрустела под ногами и была клейкой на ощупь, страдание же становится наживкой для больных и слабых, как если бы в любой катастрофе видели какую-то заслугу, а счастье целого мира заключалось бы в причитании о вечных законах. Однако под сводами пещеры, где люди скованы нуждой, раздастся крик с требованием нового Господства, и стоит ему только прозвучать, как впавшие в отчаяние умы узнают о чудесной возможности того, что прежде казалось невозможным. Его луч медленно пробивается внутрь, оживляет и просвещает своей любовью сначала самых взыскующих, придает лицо самым утонченным вещам и таким образом восстанавливает утраченную было связь между вещами и душой. Но как только восприимлющие сосуды наполнены, они скоро переливаются через край, и неиссякаемый поток, пробиваясь сквозь гнетущую роскошь и черствую корку, начинает питать следующие круги, пока все доселе пребывавшие бездуховными Уровни не получают живительную благодать, не утоляют жажду и не делаются готовыми для нового посева. И тогда целые горы и здания приходят в движение согласно внутренней воле, их массивные тела подчиняются новым ритмам, а равнины и площади расстилаются уже в иных пределах, фигуры вступают в новую игру света и тени, линии сотканых прежде паутин рвутся и начинаются изгибаться и закругляться в соответствии с необходимостью единства. Ибо Господство не терпит, чтобы хоть один образ или существо на Уровнях Империи носило бы на себе иную печать кроме его собственного, и пусть даже оно наталкивается на сопротивление наследства и борется за свои сокровища с жадной той, кто не может успокоиться, пока не превратит в *свою* кровь все благородство мира, пусть даже оно подавляет отвращение перед руинами не знавшей Господства эпохи и не устает формировать Силы, чтобы создать чистое поле для чистых знаков, оно заставляет вспылать своим жаром горы и здания, вытесанные из камня и отлитые из металла статуи, выгравированные и расписанные листы, звуки и музыку, мечты и деяния, оно наполняет их своим смыслом и воссоздает в своем духе. Так Империя формируется по образу Господства: но источником и носителем его выступает Властитель.

Властитель

Творение мира есть формирование крови (*die bildwerdung des blutes*) посредством духа. Отказываясь от более глубокого толкования, заглядывая в темные колодцы слов Кровь и Дух, где под легкой обманчивой рябью скрывается одна и та же бездонная толща воды, мы попытаемся остаться среди зримых образов, нащупать и с жадной прикинуть к зеркальной глади, расцветенной трепетным светом спрятанной в глубине тайны. Подобно тому, как материал служит средством для творчества, творчество же средством для образа, так и средством для формирования крови духом является Духовное Деяние. Духовное Деяние есть содержание Господства, через которое Властитель с неотвратимой неизбежностью запечатлевает свои формы на Уровнях Империи, и неважно, распоряжается ли он унаследованными благами или учреждает нечто неслыханное, неважно, какое вещество, испытанное ли или неиспытанное, воспламеняет он своим огнем, будь то вера или звуки, государство или камень, язык или число. Властитель есть стало быть та сила, каковая исполняет Духовное Деяние. И чем глубже его единство, тем возвышеннее его воздействие, и хотя единство человеческих вещей не обязательно отражается в телесном единстве, поскольку множество может быть связано через нечто божественное, однако высшая возможность такова: Властитель должен родиться в Одном человеке.

В этом месте может показаться, будто лицо Властителя в единственном ли или множественном числе находится во внутреннем отношении к средствам, через которые он открывает себя империи, будто особые материалы и особые жанры творчества предполагают скорее единственное число, а другие множественное, например, если ограничиваться примером искусств, изобразительные в силу более тяжелого движения, большей ограниченности изображаемых лиц скорее вынуждают к объединению нескольких мастеров, тогда как риторические в силу высочайшей подвижности и вместе с тем широте средств языка предоставляют выразительные возможности скорее для одного господствующего надо всем мастера. И все же мы не пытаемся решать этот вопрос ни применительно к искусствам, ни применительно к другим областям духа, мы хотим рассмотреть Властителя в высшей форме одной и единственной личности, чей материал язык, а чье творчество поэзия, и через это рассмотрение научиться глубоко чтить его.

Мы не живописуем в словах, когда говорим о его становлении, его бытии в Империи, но мы нуждаемся в картинах, чтобы представить хотя бы слабые очертания того явления, изобразить полноту которого на красочной плоскости нам не под силу, внутреннее богатство которого столь же мало поддается чувственному оформлению, сколь охваченное способно к постижению охватывающего, мы не живописуем в словах, когда говорим о Властителе, но прибегаем к образам говоря о человеке: и пусть даже в телесном смысле человека и Властителя объединяет один и тот же час рождения, однако в Духовной Империи возраст Властителя увеличивается в обратном направлении вместе с наследием эпох, его силы питаются тем, что вневременно покоится в пространстве, и смерть человека влияет на судьбу Властителя столь незначительно, что с нею или после нее только и может наступить его господство.

Коснемся здесь коротко той загадки, что пространство и время в единстве творящего духа больше не являются предельными условиями человечества, почувствуем, что этой тайной дышит каждое творение, извлекаемое для нас Властителем на свой страх и риск из творческого лона Матерей. Ибо так начинается его становление: он разбивает мертвую скорлупу чуждого мышления, чуждого художничества и сквозь все препятствия наследия, эпохи и той минутной нерешительности, в которой перед началом великих дел испуганному ростку открывается предчувствие будущего страдания, движется вперед к рождению собственного средоточия и, ведомый неопишущим и неизреченным духом, испытав опьянение одинокого посвящения, обновленными и ожившими чувствами взирает на бытие того, кто созидает бытие...

После того как прежняя борьба за свободу личности, то есть право политического самоопределения и участия, и за равенство личностей перед общепризнанным насилием

со стороны государства, то есть перед законом, утратила свое значение, одна часть общества распространила понятие равенства на все жизненные права, вплоть до шутовского равенства всех умов, другая же часть безмерно превозносила понятие свободы вплоть до отрицания всякой душевной преданности, до отречения от всякого права на духовное господство, и вот обе они из чувства ли мнимой любви или из чувства ложной гордости разорвали кровеносные сосуды человеческого тела, по которым, соединяя деятельность и становление, творчество и наслаждение, повелевание и подчинение, вверх и вниз текут живые соки, обе они уничтожили все великие противоположности мира и души, так что небо и земля превратились в круглую, обозримую во всех деталях, удобную плоскую тарелку, на которой они наконец добились равенства унижительного паясничества и свободы бесцельного отрицания. Когда они именовали себя “объективными”, они соизмеряли свои ценности с вещью, что была тверже их студенистого тела и пронизывала его насквозь, когда они именовали себя “единственными”, они соизмеряли свои ценности лишь с уровнем воды в своих затхлых сосудах, они покинули солнцу, заползли в свою уютную скорлупу и не заметили, что медленно высохли и скукожились.

И тогда один мастер почувствовал, как поток жизни утекает в пустыню и каплями уходит в песок: его охватило сразу сострадание и отвращение, он узрел жалкое состояние холопского равенства и выхоленной свободы, но именно потому что он был исполнением не знавшей Господства эпохи, а не носителем нового Господства, он попытался освободить новую жизнь от гнойных ран эпохи: поскольку он увидел скудость и убожество толпы, он полностью вырвал единичного человека из его материнской почвы, указал ему путь в будущее, которое уже не ведало любящего посредничества между “давать” и “брать”, стерев между ними всякое различие, и после того как он лишил его всякой связи между творцом и творением, между творящим и сотворенным, он пригвоздил отдельную душу на вечные времена ко кресту одиночества, обрек ее на вечное возвращение одних и тех же причин и следствий, и наконец сам рухнул на землю в неслыханных муках, разорвав прежде все оковы, уничтожив все святое, расточив все силы в попытках призвать сверхчеловека, так и оставшегося безвидным и пустым в своих ледяных небесах, погубив себя сам, но и утянув за собой все омертвелые и заскорузлые формы.

Его падение потрясло землю, усилило нужду благородных и умножило число внутренне расколотых и расточивших свои силы, разобщенных и отданных на поругание. Однако залежное поле многих сердец было вспахано и ждет теперь, когда на него упадут семена Господства и Служения. Ибо человек не мост к сверхчеловеку, но сам сосуд всего сверхчеловеческого: ему нужно лишь открыть себя, чтобы дать войти в себя всему высокому и высочайшему, а ежели его поры засорены, силы ослаблены или пребывают в небрежении, то пусть он готовит себя на уровнях Служения и тогда он верно почувствует одушевляющую силу объединенных в союз Духовной Империи.

Но первая ступень Благоговение! Чем была гора из оникса для храма святого Грааля, тем является и Благоговение для каждого человека, исполненного воли привести душу и тело к благороднейшему воспитанию, и бедное юношество, даже не *ведующее* о возвышенном, потому что обычное высокомерие заставляло его принимать бросовые товары равенства и свободы за высшие блага, пока оно не сделало пошлость мерой всех вещей, должно сначала расплавить и удалить свои шлаки в огне Духовного Деяния, дабы спасти таящиеся внутри него чистые силы, зачерствелое же поколение, для которого мир превратился в тупое вращение шестереночных механизмов, а жизнь стала унизительной борьбой за хлеб и выгодную партию, так что даже слова “возвышенный и священный”, “праздник и торжество”, “тайна и опьянение” заставляют его изливать желчь, должно сначала уйти, прежде чем Благоговение вновь сделается основой и началом всякого воспитания, естественным состоянием учащегося, первым требованием учащего раньше других его ценностей, покойным состоянием мастеров перед лицом Божественного.

CONTENTS

J.M. ABDILDIN. Logic of Modern Scientific and Theoretical Knowledge. E.A. FROLOVA. Arab “Renaissance” as Project of Modernization. D.A. NOVIKOV, Ye.Yu. RUSYAEVA. Philosophy of Management. V.V. MARTYNENKO. Credit Nature of Social Relations. A.V. NIKANDROV. Ideological Battles of the First Half of the 50th years in Italy: Norberto Bobbio and Communists in Discussions on Politics and Cultures. N. BOBBIO. Freedom and Power. S.A. LEBEDEV, S.N. KOSKOV. Conventionalist Philosophy of Science. A.R. KRITSKAYA. Some of the Conceptual Framework of Self-Education Students. L.V. BAEVA. E-Culture: the Attempt of Philosophical Analysis. E.Yu. ZHURAVLYOVA. To the Typology of Online Research Methods. I.L. GANZEL. Representation, Spirit and Forming of Thoughts: Frege, Hegel, Leontiev and Ilyenkov. E. MUTSOPOULOS. Truth: Successes and Failures. I.V. OSCHEPKOV. “Gift from the Gods” in Plato’s Dialogue “Filebus” (16c5-10). V.I. KOROTKIKH. Hegelian Conception of Reflection as a Form of Speculative Dialectical Method. D.A. LUNGINA. Idea of Salvation in Kierkegaard’s Pseudonymous Works. Essay First. A.V. MIKHAYLOVSKY. Three Principle of “Political Theology” in the Gerge-Kreis. F. GUNDOLF. Obedience and Adherence. F. VOLTERS. Domination and Service. LETTERS TO EDITORS. BOOK REVIEWS.